

The Agrarian Development of Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: from Post-Frontier to Heartland

Vladimir A. Ilinykh

Institute of History, Siberian Branch of RAS. Novosibirsk, Russia. Email: agro_iwa@mail.ru

Received: 19 February 2022 | Revised: 25 April 2022 | Accepted: 27 April 2022

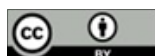
Abstract

The post-frontier is the least studied stage of the Siberian frontier. The aim of the paper is to analyze the functioning of Siberia within the framework of the post-frontier and identify the mechanisms and consequences of the region's going beyond its borders. The study also provides a brief description of the features of the early and active frontier. The agrarian development of Siberia, which largely determined the frontier processes, provides a basis for the subject area of the paper.

As a result of the study, it was concluded that the zone of the active frontier in Siberia was constantly shifting. Its most developed territory entered the post-frontier stage. One of the features of the Siberian post-frontier was the formation of a sub-ethnos of the Great Russian ethnos on its territory, namely, the Siberian old-timers. The agrarian system of Siberia at this stage of development also had qualitative features. The specificity of the region was determined by its logistical isolation from the main territory of Russia. The Trans-Siberian Railway put an end to it and allowed the start of mass agrarian migration. One of its consequences, among others, was the beginning of the process of de-ethnicization which ended in the Soviet period. The ethno-social result of collectivization, industrialization, urbanization, and the Cultural Revolution was the transformation of the Siberians from a sub-ethnos of the Russian nation into its geographical group. The agrarian system of the region also lost its qualitative differences. As a result, Western Siberia and a significant part of Eastern Siberia became parts of the Russian heartland.

Keywords

Frontier; Post-Frontier; Heartland; Agrarian System; Agricultural Resettlement; Sub-Ethnos; Poly-subethnicization; De-subethnicization; Siberians; Siberia

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Аграрное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: от постфронта к хартленду

Ильиных Владимир Андреевич

Институт истории Сибирского отделения РАН. Новосибирск, Россия.

Email: agro_iwa@mail.ru

Рукопись получена: 19 февраля 2022 | Пересмотрена: 25 апреля 2022 | Принята: 27 апреля 2022

Аннотация

Наименее изученной стадией сибирского фронта представляется постфронт. Цель работы – анализ функционирования Сибири в рамках постфронта, а также выявление механизмов и последствий выхода региона за его пределы. В исследовании также осуществлено краткое описание особенностей раннего и активного фронта. Основу предметной области работы составляет аграрное освоение Сибири, которое в значительной степени определяло фронтные процессы.

По итогам исследования сделаны следующие выводы. Зона активного фронта в Сибири постоянно перемещалась. Его наиболее освоенная территория переходила в стадию постфронта. Одной из характеристик сибирского постфронта стало формирование на его территории субэтнуса великорусского этноса – сибиряков-старожилов. Аграрный строй Сибири на данной стадии развития также имел качественные особенности. Специфика региона определялась логистической оторванностью от основной территории России. Транссибирская магистраль покончила с этим и позволила начать массовое аграрное переселение. Его следствием, среди прочих, оказался запуск процесса десубэтнизации. Он завершился в советский период. Этносоциальным итогом коллективизации, индустриализации, урбанизации, культурной революции стало превращение сибиряков из субэтнуса русского народа в его географическую группу. Качественные отличия потерял и аграрный строй региона. В итоге Западная Сибирь и значительная часть Восточной Сибири вошли в российский хартленд.

Ключевые слова

фронт; постфронт; хартленд; аграрный строй; сельскохозяйственное переселение; субэтнос; полисубэтнизация; десубэтнизация; сибиряки; Сибирь

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Фронтироведение – относительно молодая, но уже весьма фундированная отрасль отечественного обществоведения. Фактически появившись в 1990-е гг., она не явилась повторением классических американских штудий, с самого начала обрела свое собственное методологическое и аналитическое лицо. Существенный вклад в становление и развитие методологии российский фронтирных исследования внесли С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова (Романов & Якушенков, 2012; Якушенков & Якушенкова, 2013; Якушенкова & Якушенков, 2015; и др.). Наиболее исследованной зоной российского фронта оказалась Сибирь (Резун, Ламин, Мамсик & Шиловский, 2001; Резун & Шиловский, 2005; Агеев, 2005; Хромых, 2012; и др.). Существенное приращение конкретно-исторических знаний получено и при изучении нижеволжского (Якушенков & Якушенкова, 2010; Романова, Якушенков, Хлыщева, Васильев, Якушенкова Ок., Якушенкова Ол., Кусмидинова & Топчиев, 2014; и др.) и южнорусского фронтиров (Мизис, Скобелкин & Папков, 2015; Мизис, 2018; и др.). В то же время исследование проблемы еще далеко от завершения. Применительно к Сибири наименее изученной является стадия постфронта. Не дан ответ на вопрос о времени и особенностях выхода Сибири за ее пределы.

В связи с этим цель настоящей работы – конкретно-исторический анализ функционирования Сибири в рамках постфронта, а также выявление механизмов и последствий выхода региона за его пределы. В исследовании также осуществлено краткое описание особенностей раннего и активного фронта. Происходящие в Сибири социально-экономические и этнокультурные процессы на этапах перехода от активного фронта к постфронтиру и выходу из него определялись главным образом аграрным развитием. Исходя из этого, основу предметной области работы составляет аграрное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. В географические рамки входят Западная и Восточная Сибирь. Фронтирные процессы на Дальнем Востоке имеют существенную специфику.

Формирование единого понятийного аппарата отечественных фронтирных исследований не завершено. Многие его дефиниции имеют неоднозначный и дискуссионный характер. Это обстоятельство делает необходимым презентацию авторской позиции.

Хартленд определяется как наиболее важная внутренняя часть государства, его культурная и этническая сердцевина. При этом границы хартленда на протяжении истории страны могут меняться и прирастать новыми территориями. В настоящее время в состав российского хартленда входит в том числе Центральное Черноземье (Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая Орловская и Тамбовская области). Однако на этапе формирования Русского централизованного государства данный регион находился в зоне фронта.

Отметим, что хартленд может быть несплошным, иметь иноэтичные вкрапления.

Фронтир – комплексный, многогранный, общецивилизационный феномен, его можно определить как подвижную зону государственной колонизации территорий, которые населяют находящиеся на более низком уровне общественно-политического и социально-экономического развития этнические (племенные) общности. Успех колонизации обеспечивает технологическое превосходство, прежде всего – в сфере вооружений и средств коммуникаций, а также пассионарность фронтирменов (землепроходцев, первых колонистов).

Колонизация зоны фронта имеет ряд составляющих: военно-политическую, демографическую, этнокультурную, экономическую. Военно-политический аспект означает присоединение новых территорий (завоевание, добровольное вхождение) и установление военно-административного контроля над ними. Демографический аспект – заселение осваиваемых земель представителями этнических групп из метрополии или транзитными иногосударственными группами (перемещение военнопленных, организованное добровольное или принудительное переселение с территории других государств).

Заселение в зависимости от его интенсивности меняет систему расселения, которое для пришлых групп может приобретать дисперсный, очаговый, близкий к сплошному или сплошной характер. Аборигены уничтожаются (геноцид), частично или полностью поглощаются, утесняются до очагового или дисперсного расселения, вытесняются на периферию зоны фронта или за ее пределы.

Фронтир представляет собой территорию многогранных и интенсивных культурных контактов между пришлыми и аборигенными группами. Их результатом для аборигенов может быть «ассимиляция, которая в качестве варианта аккультурации приводит к полной идентификации с новой культурой; сепарация, представляющая собой отрицание иной культуры при сохранении своих социокультурных особенностей; маргинализация, означающая потерю исходных культурных качеств и необретение нового социокультурного багажа, чужеродность как для исходной, так и для новой культуры; интеграция, характеризующаяся идентификацией личности как со старой, так и с новой культурами» (Чикалова, 2018, с. 174–175). Этнокультурные изменения происходят и с заселяющими зону фронта этносами. Их объединение на основе аккультурации, включения ассимилированных потомков аборигенов (механизм «плавильного котла») ведет к становлению нового локального сообщества, в том числе субэтнуса, численно и культурно преобладающего среди переселенцев народа.

Экономическая составляющая фронта заключается в хозяйственном освоении присоединяемых территорий, основными типами которого являются промысловое, аграрное и индустриальное. Наиболее важное

значение для успешной колонизации зоны фронта имеет аграрное земледельческое освоение. Оно ведет к радикальной трансформации экономики, заселению территорий, демографическим изменениям, ассимиляции или вытеснению аборигенных этносов. Аграрии (крестьяне, фермеры) создают основу нового субэтнуса. При этом складываемые в осваиваемом регионе аграрные отношения, как правило, существенно отличаются от аграрного строя Хартленда.

Хронологически фронт можно разделить на три стадии: ранний фронт, активный фронт, постфронт. На ранней стадии преобладает инициативное (вольное) проникновение фронтменов на новые территории. Государство реагирует на вызовы, исходящие оттуда, эпизодическими военными набегами. В рамках активного фронта происходит присоединение новых территорий, установление военно-административного контроля над ними, их активное заселение и освоение. Отмеченной С.Н. Якушенковым и О.С. Якушenkовой принципиальной особенностью данной стадии фронта является то, что при наличии обилия ресурсов колонизируемая территория сама нуждается в импорте ресурсов из метрополии (Якушенков & Якушenkова, 2013, с. 12).

По мнению вышеназванных ученых, фронт постепенно становится самодостаточным, способным обеспечивать себя всем необходимым. Но как только это происходит, он практически перестает быть фронтом, превращаясь в постфронтное общество (Якушенков & Якушenkова, 2013, с. 12). На наш взгляд, наиболее важным индикатором перехода активного фронта в стадию постфронта является обретение осваиваемой территории продовольственной самодостаточности. Переход к постфронту также характеризуется завершением присоединения территории. Хаос, характерный для активного фронта, сменяется относительным упорядочиванием. Осуществляется переключение на гражданское управление. Удельный вес переселенцев и их потомков в общей численности населения становится преобладающим. А переселенцы в третьем поколении сами фактически превращаются в аборигенов. Из пришедших с территории метрополии этнических групп и ассимилируемых местных народностей формируется единая локальная субэтническая общность.

В дальнейшем зона фронта может влиться в хартленд. Одним из важных индикаторов реализации подобного варианта является потеря аграрным строем региона качественной специфики. Помимо вышеуказанного, возможны иные пути развития: интегрированная окраина государства с преобладанием государствообразующего этноса, субэтническая провинция, мультиэтническая провинция, иноэтническая провинция с вкраплением государствообразующего этноса, автономное образование и даже независимое государство, имеющее тесные культурные связи с метрополией.

Определенные выше закономерности, механизмы фронта реализуются во времени и пространстве вероятностным образом, в каждой фронтальной зоне имеют конкретно-исторические особенности, иногда весьма существенные. Отметим также, что в различных частях обширной колонизируемой территории одновременно могут функционировать все три стадии фронта.

Ранний и активный фронт

Предыстория сибирского фронта начинается с середины XIV в., когда в Северное Зауралье стали проникать новгородцы. Их походы носили характер набегов, осуществлявшихся под руководством «воевод новгородских», вооруженными ватагами добровольцев. Целью набегов являлись меновая торговля и сбор дани в виде пушнины. Новгородцы проложили первые пути в Сибирь (Побережников, 2009а, с. 666).

После ликвидации Новгородского государства начинается экспансия в северное Зауралье Московского княжества. Зауральские походы московских воевод в 1465, 1483 и 1499 гг. создали условия для присоединения Северного Зауралья к Русскому государству. Наряду с государственными отрядами в Северную Сибирь проникают промысловики поморы, которые осваивают морской прибрежный путь в устье Оби и далее до низовьев Енисея. Еще до похода Ермака в низовьях р. Таз появилось первое русское поселение-фактория – Тазовский городок (Побережников, 2009а, с. 665).

В 1581 или 1582 г. состоявший из вольных казаков вооруженный отряд Ермака по собственной инициативе, которая была поддержана Строгановыми, двинулся в поход. Его результатом стал захват столицы Сибирского ханства Искера. Это ускорило присоединение Сибири к России. Регион перешел в стадию активного фронта. С 1585 г. в Западную Сибирь начали прибывать правительственные войска. Они занялись строительством острогов и подчинением аборигенного населения. Остроги превращались в города, а правительственные отряды направлялись дальше на восток, основывая все новые и новые остроги. Д.Я. Резун определил базовую специфическую черту сибирского фронта как «создание цепи или отдельных относительно быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, пасы, погосты, укрепленные деревни и заимки), которые всегда выдвинуты в пограничные земли и отдалены от основных административно-хозяйственных центров (городов)» (Резун, 2000, с. 76). Действующие от имени государства отряды опережали вольные ватаги, по собственной инициативе двигавшиеся «встречь солнцу». Уже в 1639 г. русские землепроходцы-пассионарии достигли берега Тихого океана.

К 1605 г. к русскому государству была присоединена Западная Сибирь, к 1689 г. – Восточная Сибирь. Слияние сопровождалось заселением и освоением новых территорий. На ранних этапах русской колонизации Сибири

преобладало ее промысловое освоение. В первую очередь развивался пушной промысел. Государство изымало пушнину в рамках ясака, русское купечество получало ее путем скупки, развертывалась непосредственная добыча пушнины русскими промысловиками. Символом пушных богатств Сибири стала «злато-кипящая» Мангазея.

Однако все большее значение для закрепления Сибири за Русским государством и ее социально-экономического развития имело аграрное освоение. Переселенцы создавали земледельческие очаги сначала в Зауралье, а затем во все более восточных районах. Разраставшиеся очаги превращались в зоны, населенные крестьянами-хлебопашцами. В течение XVII в. в Западной Сибири сформировалось 2 земледельческие зоны: Верхотурско-Тобольская и Томско-Кузнецкая. В Восточной Сибири функционировали Енисейский, Забайкальско-Амурский и Ленский земледельческие районы. Уже к началу XVIII в. Сибирь обеспечивала себя хлебом. При этом крестьянство стало преобладающей группой населения. Его доля составляла от 50 до 60 % от общей численности жителей региона (Мамсик, 2009, с. 203–204).

Постфронтир во второй половине XIX в.

Зона активного фронта постоянно перемещалась. Его наиболее освоенная территория переходила в стадию постфронтира. Сначала – Зауралье и среднее Прииртышье, которые первые стали полностью обеспечивать себя продовольствием. Затем постфронтир распространялся на все новые и новые районы. В середине XIX в. в его рамках находилась значительная часть территории Западной и Восточной Сибири. К этому времени западная, южная и восточная земледельческие зоны макрорегиона сомкнулись. На его юге и востоке оставались зоны фронта, но уже отличающегося от того, который был на начальном этапе колонизации Сибири. Там, где государственная граница на длительное время закреплялась, создавался лимес. Задачей находящихся на нем военных сил являлось не обеспечение продвижения на новые территории, а отгораживание от них. Однако это не исключало проникновения за линию лимеса – отдельных фронтирменов и целых аграрных общин, бегущих от государства.

Продолжалось формирование сибирского крестьянства. Основными акторами данного процесса на ранних этапах колонизации являлись выходцы с русского Севера (Поморья и близлежащих территорий), зыряне из Яренского края, жители Вятского края. При этом Вятка сама представляла «этнический котел», где шли интенсивные процессы «перемешивания» русских пришельцев с местным полиэтничным населением. «Сажалась во крестьяне» часть военнопленных и перемещенных из зоны боевых действий гражданских лиц: «черкасов» (украинцев), поляков, «литвы» (литовцев, белорусов) (Мамсик, 2009, с. 203). Браки мужчин-пришельцев с представительницами аборигенных

народов способствовали метисации части сибирских крестьян, появлению у них отличных от европеоидных черт лица.

С 1760 г. сибирское крестьянство пополнялось в основном ссыльными помещичьими крестьянами из различных регионов европейской части Российской империи. Они имели еще более пестрый этнический и субэтнический состав, нежели выходцы с Русского Севера и Вятского края (Мамсик, 2009, с. 203). К середине XIX в. миксация, происходившая в рамках сибирского «плавильного котла», привела к образованию субэтнуса великорусского этноса – сибиряков. Это была действительно субэтническая, а не чисто географическая группа – со своим специфическим набором ментальных, социальных, материально-бытовых, языковых и культурных характеристик. Абсолютно большая часть сибиряков являлась крестьянами (см.: Курилов, 2002). Таковых насчитывалось до 2 млн человек, что составляло около 80 % от общего числа жителей региона (Мамсик, 2009, с. 204).

Консолидации субэтнуса способствовало ограничение аграрного переселения в Сибирь. Тем не менее, механический приток продолжался. Основную его часть составляли самовольные переселенцы. Большинство из них устраивалось в старожильческих селах. В 1861–1885 г. на территорию Сибири пришло около 300 тыс. человек. Продолжалась ссылка. Но большую часть увеличения численности населения в пореформенный период давал естественный прирост (Мамсик & Ноздрин, 2009, с. 106; Ноздрин, 2009, с. 2005). В 1897 г. сельское население региона составляло 5,3 млн человек. Доля крестьян-старожилов и казаков в общей численности крестьянского населения (без учета аборигенных этносов) составляла 61 % (Горюшкин, 1976, с. 144).

Аграрный строй Сибири имел качественные отличия от аграрных отношений в европейской части страны. В регионе отсутствовали крепостное право, помещичье землевладение. На ранних стадиях российской аграрной колонизации в Сибири в рамках верховной юрисдикции на землю фактически существовало два вида частного землевладения – индивидуальное и корпоративное. Субъектами первого выступали русские земледельцы, в том числе крестьяне, получавшие у представителей власти «данные» на землю, субъектами второго – монастыри. Оба типа землевладельцев совершали с объектом владения (землей) сделки любого характера, утверждаемые властями. Монастырское землевладение ликвидировали в 1764 г. в ходе секуляризации. С середины 1760-х гг. государство прекратило закрепление земли в частное землевладение для податных сословий, а затем постепенно изымаło владельческие документы. Место частного землевладения с 1780-х гг. заняло крестьянское, опосредованное коллективно-общинным землевладением волостных и сельских обществ (Мамсик, Ноздрин & Ильиных, 2009а, с. 590).

Крестьянское землепользование в регионе по форме имело индивидуально-подворный характер, по способу присвоения было вольно-захватным. Право на земельные угодья определялось фактом первичного захвата.

Крестьянин владел захваченным участком до тех пор, пока его обрабатывал. После прекращения обработки участок мог занять любой желающий. Несмотря на наличие общины, землю крестьяне использовали по своему усмотрению. Характерных для европейской части России принудительных севооборотов и чересполосицы в Сибири не было. Вольно-захватному землепользованию соответствовала преобладающая в регионе система земледелия – залежная.

При залежной системе истощившая свои ресурсы пашня оставлялась на длительный срок без обработки («в залежь») для восстановления плодородия естественным путем, а крестьянин осваивал новый целинный участок. Залежь во время отдыха превращалась в пастбище, сенокосы. Минимальное время восстановления плодородия составляло 15 лет, оптимальное – до 25 лет. После этого прежний владелец земли, забросив новую пашню под залежь, мог возвращаться на прежний участок. Его семья, разрастаясь, выделяла новых колонистов, удалявшихся от материнского хозяйства на неосвоенные территории (Мамсик, Ноздрин & Ильиных, 2009б, с. 592). Залежная система не исключала природных катаклизмов. Примерно один раз в 10 лет засухи в регионе приводили к катастрофическим недородам. Однако накопленные в благоприятные годы страховые запасы зерна предотвращали голод и не влекли за собой существенного сокращения площади посева.

В результате применения залежной системы земледелия аграрное население региона находилось в состоянии неполной аграрной оседлости. Во второй половине XIX в. основным направлением движения крестьянского земледелия стало перемещение из уже освоенных подтаежных районов на юг, на плодородные земли Алтая и Минусинской котловины. Это продвижение, сопровождавшееся основанием все новых и новых деревень, можно определить как аграрный фронт.

Вовлечение в сельхозоборот более плодородных земель способствовало ускоренному наращиванию аграрного потенциала региона. Посевные площади и среднегодовые валовые сборы хлебов от десятилетия к десятилетию увеличивались. В 1860-е гг. в Сибири собрали 10 843 тыс. четвертей зерна, в 1890-е гг. – 21 255 тыс. четвертей. За 40 пореформенных лет поголовье скота в регионе почти удвоилось. В 1890-х гг. Сибирь вошла в число наиболее развитых земледельческих районов России (Ильиных, Мамсик & Ноздрин, 2009а, с. 48).

Особенности Сибири на стадии постфронта, в том числе в аграрных отношениях, в значительной степени определялись логистической оторванностью от основной территории России. Это способствовало накоплению и консервации специфических черт. Отметим, что на постфронтирных территориях с низкой степенью логистической связанности с хартлендом, как правило, возникает стремление к созданию автономного образования или даже независимости. В Сибири представителями движения за автономию региона являлись областники. В то же время в регионе отсутствовала соци-

альная основа для сепаратизма сформировавшегося субэтноса – крупные землевладельцы (креольская знать).

Отметим, что планы создания в Сибири частного землевладения, в том числе крестьянского, разрабатывались. В начале 1870-х гг. при Министерстве государственных имуществ создали комиссию М.Н. Медема, на которой рассматривался вопрос о реформирования землепользования сибирских крестьян. Было сделано предложение об их переводе в разряд собственников и закреплении за ними больших наделов (21–30 дес.) с включением лесных участков (Худяков, 1986, с. 80–86). Реализация данного предложения могла превратить сибирских крестьян в полноценных фермеров. Это также способствовало бы закреплению основ существования субэтноса сибиряков. Однако в условиях начавшихся контрреформ от подобных предложений отказались. Выбор сделали в пользу укрепления общины и мелкотоварного (крестьянского) уклада.

Итогом аграрных преобразований конца 1890-х гг. стало укрепление общины. Вольно-захватное землепользование эволюционировало в подворно-общинное. Община стала более активно вмешиваться в регулирование земельных отношений. Все большее распространение получало уравнильно-передельное землепользование. Как правило, объектами ежегодных переделов были сенокосы. Но на западе Сибири (в Зауралье) земли уже не хватало, там делили и пахотные земли. В ряде районов Зауралья залежная система земледелия, ее разновидность паро-залежная сменились безнадежно к тому времени устаревшим трехпольем, которое стало символом аграрного кризиса в европейской части России. Трехполье не обеспечивало достаточный уровень восстановления плодородия почвы. Урожаи в благоприятные годы сокращались, а недород мог привести к голоду. Приснопамятный «Царь голод» 1891-1892 гг. также затронул степные округа Тобольской губернии. Подобная ситуация стала своеобразным символом начавшейся хартлендизации Зауралья.

Постфронтир в начале XX в. Дрейф к хартленду

В пореформенный период, как отмечалось выше, Царское правительство сдерживало аграрное переселение в Сибирь. Однако подобная политика вступала в противоречие с геополитическими и экономическими интересами государства. В связи с этим в 1890-е гг. власти переходят от принципа сдерживания переселений к их поощрению. Фактическое открытие массового сельскохозяйственного переселения в Сибирь произошло в связи с необходимостью заполнения полосы вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали.

Транссиб в значительной степени покончил с логистической оторванностью региона, соединил сибирский рынок с рынком европейской части

страны, позволил наладить крупномасштабный экспорт сельхозпродукции и тем самым раскрыл России и миру аграрный потенциал Сибири. Увеличились размеры аграрного переселения. В 1896–1905 гг. в Сибирь проследовало 1 130 тыс. переселенцев, включая ходоков. Положительное сальдо данного типа миграционного движения за указанные годы составило 810 тыс. человек (Итоги, 1910, с. 48–51, 54–59).

Крестьяне-старожилы и переселенцы стали быстрыми темпами наращивать товарное производство, расширяя свое хозяйство. Наиболее динамично развивающейся отраслью аграрной экономики Сибири было промышленное маслоделие. Базой его возникновения стали богатые пастбищные угодья и переход на машинный способ выработки животного масла. По производству данного вида продукции регион за короткий срок намного обогнал все старые маслодельческие центры страны: Северный, Северо-Западный, Южный, Юго-Западный и др. Большая часть произведенного на местных заводах масла предназначалась для вывоза за пределы России (Крестьянство, 1983, с. 195). Зерновое хозяйство в крае развивалось не столь быстро. Темпы его роста сдерживались первоначально малой пропускной способностью Транссиба (для вывоза объемов зернопродуктов, в стоимостном выражении равного вывозу более компактного для перевозки животного масла, требовалась более мощная магистраль).

Массовое переселение крестьян из европейской России на восток страны стало составной частью столыпинской аграрной реформы. В 1906–1914 гг. положительное сальдо аграрной миграции в регион составило 2 млн 139 тыс. человек, а всего за 1896–1914 г. – почти 3 млн человек (Итоги, 1910, с. 48–51, 54–59; Итоги, 1916, с. 48, 50, 54, 56). Половина переселенцев водворилась на территории Томской губернии (1 082 тыс. человек). В пределах губернии переселенцев привлекали, в первую очередь, плодородные земли Алтая. На территории Алтайского округа поселилось более трети от их общего количества. Акмолинская область за те же годы приняла $\frac{1}{5}$ часть переселенческого потока (431 тыс. крестьян). В Енисейскую губернию переселилось $\frac{1}{10}$ мигрантов (248 тыс. чел.). Основным местом водворения переселенцев в губернии стали степи Минусинской котловины (Проекты, 2015, с. 102). Приведенные выше данные характеризуют только переселение из европейской части России. Помимо него продолжалась внутрорегиональная организованная и неорганизованная аграрная миграция. При этом крестьяне, организованно переселяющиеся с территории Тобольской губернии на Алтай, обладали всеми правами столыпинских переселенцев.

С 1897 по 1914 г. сельское население Сибири выросло с 5,3 млн до 9,2 млн человек. Около $\frac{2}{3}$ прироста обеспечили крестьяне-переселенцы. Число крестьянских хозяйств в Сибири выросло с 820 тыс. в 1897 г. до 1 400 тыс. в 1917 г. (Горюшкин, 1976, с. 76) В Томской губернии количество хозяйств, по нашим подсчетам, увеличилось в 2 раза.

Инициированное П.А. Столыпиным массовое крестьянское переселение еще больше ускорило развитие сельского хозяйства Сибири. С 1905 по 1914 г. посевные площади в регионе в целом увеличились в 2 раза, в Томской губернии – в 2,6, в Акмолинской области – в 4,1 раза. Опережающими темпами росло производство зерновых, прежде всего пшеницы. Нарастивался потенциал животноводства. В Томской губернии в 1914 г. лошадей было в 1,8 раза, крупного рогатого скота – в 1,6, овец – в 1,7, свиней – в 3,3 раза больше, чем в 1905 г. (Горюшкин, 1967, с. 373–376, 381). Продолжалось интенсивное развитие маслоделия. В начале 1910-х гг. регион поставлял более $\frac{1}{6}$ мирового и $\frac{9}{10}$ российского экспорта животного масла. П.А. Столыпин в 1910 г. заявил:

«Вывоз сибирского масла имеет не только местное значение. Весь наш экспорт масла на внешние рынки целиком основан на росте сибирского маслоделия <...>. Сибирское маслоделие дает золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность» (Рынков & Ильиных, 2013, с. 158).

Массовое аграрное переселение, обеспечив бурный рост сельскохозяйственного производства, имело и ряд негативных последствий. Его социальным итогом стало укрепление мелкотоварного крестьянского хозяйства. Нарастающее земельное утеснение приводило к перманентному сокращению сроков оставления земли в залежь. В результате почвы не успевали в полной мере восстановить свое плодородие, что вело к снижению урожайности. Это повышало риск голода после катастрофических недородов.

Неоднозначными были и этносоциальные последствия. В Сибирь переселялись не только жители губерний, составляющих хартленд, но и представители разных субэтносов, и даже этносов. Каждая группа переселенцев обладала своим набором традиций, специфическими чертами менталитета. В качестве примера можно привести с. Половинное (ныне Краснозерского района Новосибирской области), в котором родился автор данной статьи. Село находится на юге Новосибирской области, но фактически – на севере Алтая. Улицы села после столыпинского переселения имели следующие названия: Сибирская, Тобольская, Воронежская, Черниговская, Херсонская. На Сибирской улице жили старожилы этих мест, на остальных – переселенцы из одноименных губерний, в том числе двух украинских, Черниговской и Херсонской. На улице Тобольской тоже жили переселенцы. При этом жители улицы Сибирской в не столь отдаленном прошлом также переселились в данную местность с более северных территорий нынешней Новосибирской области, в ходе упомянутого выше аграрного фронта.

Многие переселенческие поселки вообще не имели старожильческого населения. Примером может послужить образованный в 1911 г. переселенческий поселок Александровский (ныне пос. Александровка Завьяловского района Алтайского края). Самое большое количество вселившихся в него семейных дворохозяйств дали украинские губернии. 34 из их общего количества прибыло из Черниговской, 33 – из Харьковской, 17 – из Полтавской,

13 – из Екатеринославской, 4 – из Таврической губерний. Из русских губерний наибольшее количество переселенцев пришло из Курской (19 дворов), Тамбовской (16 дворов) и Воронежской (13 дворов). Из Саратовской губернии переселилось четыре семьи, из Орловской и Тобольской – по одной. Пять семей белорусов прибыло из Минской и Могилевской губерний (Ильиных & Ноздрин, 1995, с. 204).

Создать новую деревню или вселиться в старую могли не только русские, украинцы и белорусы, но и более инациональные и иноконфессиональные группы. Так, в с. Краснопольском Минусинского уезда совместно проживали немцы, поляки, белорусы, украинцы и мордва (Белковец, 1995, с. 23).

В итоге интенсивных миграционных процессов переселенцы стали преобладающей частью крестьянского населения региона. Их доля в общей численности сельского населения (без учета представителей аборигенных этносов) в 1914 г. составляла 60 % (Горюшкин, 1976, с. 144).

Абсорбция численно превосходящей группы была невозможной. Произошла полисубэтнизация и полиэтнизация Сибири, а сибиряки-старожилы оказались в меньшинстве. Затем сибирская деревня второй раз в своей истории стала функционировать как «плавильный котел». Происходило смешение субэтносов и этносов. При этом сибиряки-старожилы начали терять свою субэтническую специфику. Базовой тенденцией этносоциальных процессов явилась десубэтнизация, постепенное превращение множества субэтнических общностей в единую. Одним из механизмов данного процесса стали межгрупповые браки. Так, родителями отца автора данной статьи являются переселившиеся в вышеупомянутое с. Половинное родившийся в Тобольской губернии сибиряк-старожил Ильиных Федор Герасимович и уроженка Черниговской губернии – украинка Соловий Ирина Петровна.

На большей территории Восточной Сибири и в таежной зоне Западной Сибири эти процессы были менее интенсивными. И сибиряки-старожилы как субэтнос там сохранялись дольше, чем в основной сельскохозяйственной зоне западной части региона.

Политические катаклизмы рубежа 1910–1920-х гг. в большинстве регионов европейской части страны привели к ликвидации там помещичьих и крупных предпринимательских хозяйств, к трансформации аграрного строя. В Сибири качественных изменений производственных отношений в аграрной сфере не произошло. Организационно-производственной основой сельского хозяйства региона в 1920-е гг. оставалось включенное в общину крестьянское хозяйство. Однако применявшийся большевистским режимом по отношению к зажиточным слоям деревни экономический и политический прессинг привел к нивелировке деревни на более низком, чем до революции, имущественном уровне. Аграрный строй в Сибири фактически перестал отличаться от такового в европейской части страны. Более мелкое, чем до революции, крестьянское хозяйство стало менее товарным. Достигнутый в 1926–1927 гг.

максимальный объем товарного производства животного масла в Сибири составлял 62 % от уровня 1913 г. При этом коров в регионе в 1926 г. было больше, чем в 1913 г. (Проекты, 2015, с. 25).

В ходе форсированной коллективизации произошла дальнейшая унификация аграрного строя в различных регионах России. Аграрные отношения в них потеряли качественные различия и стали функционировать в рамках единой модели. С этого времени окончательно потеряли свою качественную специфику и аграрные отношения в Сибири в целом. Остались только количественные особенности.

В 1920 – начале 1930-х гг. продолжался процесс десубэтнизации региона. В начале 1920-х гг. в Сибирь хлынул поток голодобеженцев из Поволжья. Во второй половине десятилетия продолжалось, хотя и менее интенсивное, чем до революции, организованное аграрное переселение. Коллективизация нанесла оставшимся в сибирской деревне сибирякам-старожилам нокаутирующий удар. Они, как правило, были зажиточными и либо бежали из деревни накануне коллективизации, либо оказались раскулаченными. Процесс десубэтнизации Сибири и вхождения значительной ее части в хартленд, на наш взгляд, завершился к началу 1940-х гг.

Заключение

Одной из характеристик сибирского постфронтала являлось формирование на его территории субэтнуса великорусского этноса – сибиряков-старожилов. Аграрный строй Сибири на данной стадии развития также имел качественные особенности. Специфика региона определялась логистической оторванностью от основной территории России. Транссибирская магистраль покончила с этим и позволила начать массовое аграрное переселение. Одним из его следствий стал запуск процесса десубэтнизации. Он завершился в советский период. Этносоциальным итогом коллективизации, индустриализации, урбанизации, культурной революции стало превращение сибиряков из субэтнуса русского народа в его географическую группу. Качественные отличия потерял аграрный строй региона. В итоге Западная и значительная часть Восточной Сибири окончательно вошли в российский хартленд. При этом ряд специфических ментальных черт сибиряков приобрели фантомный характер. Сохранились также остаточные элементы сибирского диалекта.

Список литературы

- Агеев, А. Д. (2005). *Сибирь и американский Запад: движение фронтиров*. Аспект Пресс.
- Белковец, Л. П. (1995). «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири: конец 1920-х – 1930-е годы. *Международный союз немецкой культуры*.
- Горюшкин, Л. М. (1967). *Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX)*. Наука, сибирское отделение.
- Горюшкин, Л. М. (1976). *Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.)*. Наука, сибирское отделение.
- Ильиных, В. А., Мамсик, Т. С. & Ноздрин, Г. А. (2009). Сельское хозяйство. В *Историческая энциклопедия Сибири*: Т. III (с. 47–49). Историческое наследие.
- Ильиных, В. А. & Ноздрин, Г. А. (1995). *Очерки истории сибирской деревни*. Экор.
- Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г.* (1910). Издательство Переселенческого управления.
- Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г.* (1916). Издательство Переселенческого управления.
- Крестьянство Сибири в эпоху капитализма*. (1983). Наука, сибирское отделение.
- Курилов, В. Н. (2002). *Русский субэтнос в Западной Сибири в середине XIX в.: Расселение и топонимия* [Автореферат диссертации кандидата исторических наук]. Новосибирск.
- Мамсик, Т. С. (2009). Крестьянство в XVII – первой половине XIX в. В *Историческая энциклопедия Сибири*: Т. II (с. 202–205). Историческое наследие.
- Мамсик, Т. С. & Ноздрин, Г. А. (2009). Колонизация аграрная Сибири в XVII – начале XX в. В *Историческая энциклопедия Сибири*: Т. II (с. 105–106). Историческое наследие.
- Мамсик, Т. С., Ноздрин, Г. А. & Ильиных, В. А. (2009а). Землевладение. В *Историческая энциклопедия Сибири*: Т. I (с. 590–591). Историческое наследие.
- Мамсик, Т. С., Ноздрин, Г. А. & Ильиных, В. А. (2009б). Земледелия системы. В *Историческая энциклопедия Сибири*: Т. I (с. 592–593). Историческое наследие.
- Мизис, Ю. А. (2018). Центральное Черноземье как феномен фронта в XVI – начале XVIII века (социально-психологический компонент). В *Мавродинские чтения 2018. Материалы Всероссийской научн. конф., посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина* (с. 418–421). Нестор-История.
- Мизис, Ю. А., Скобелкин, О. В. & Папков, А. И. (2015). Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 10, 7–15. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15>
- Ноздрин, Г. А. (2009). Крестьянство во второй половине XIX – начале XX в. В *Историческая энциклопедия Сибири*: Т. II (с. 205–206). Историческое наследие.
- Побережников, И. В. (2009а). Походы московских воевод в Северной Зауралье в XV–XVI вв. В *Историческая энциклопедия Сибири*: Т. II (с. 664–666). Историческое наследие.
- Побережников, И. В. (2009б). Походы новгородцев в Северное Зауралье в XII–XV вв. В *Историческая энциклопедия Сибири*: Т. II (с. 666). Историческое наследие.

- Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: Выбор путей и методов модернизации. (2015). Сибпринт.
- Резун, Д. Я. (2000). Быть тут острогу и слободе. *Родина*, 5, 76–78.
- Резун, Д. Я., Ламин, В. А., Мамсик, Т. С. & Шиловский, М. В. (2001). *Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв: Общее и особенное*. Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук.
- Резун, Д. Я. & Шиловский, М. В. (2005). *Сибирь конец XVI начало XX века фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов*. SOVA.
- Романова, А. П. & Якушенков, С. Н. (2012). Фронтирная теория: Новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на юге России. *Инноватика и экспертиза: научные труды*, 2, 74–80.
- Романова, А. П., Якушенков, С. Н., Хлыщева, Е. В., Васильев, Д. В., Якушенкова, Ок. С., Якушенкова, Ол. С., Кусмидинова, М. Х. & Топчиев, М. С. (2014). *Нижневожжский фронтир: Культурная память и культурное наследие: Учебное пособие*. Сорокин Роман Васильевич.
- Рынков, В. М. & Ильиных, В.А. (2013). *Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг*. Институт истории СО РАН.
- Хромых, А. С. (2012). *Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII века)*. Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
- Худяков, В. Н. (1986). *Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период*. Издательство Томского университета.
- Чикалова, И. Р. (2018). Концепты «фронтир» – «граница» – «пограничье» в исследовательском арсенале ученых-гуманитариев. В *Метадалогія даследвання гісторыі Беларусі: Праблемы, дасягненні, перспектывы* (с. 171–180). Беларуская навука.
- Якушенков, С. Н. & Якушенкова, О. С. (2010). Американский фронтир и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. (1, 109–115).
- Якушенков, С. Н. & Якушенкова, О. С. (2013). Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирных территорий. *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 4–15.
- Якушенкова, О. С. & Якушенков, С. Н. (2015). Трансформация образа Чужого в условиях пост-фронтирной культурной парадигмы. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Секция «история»*, 114, 326–337.

References

- Ageev, A. D. (2005). *Siberia and the American West: The Frontier Movement*. Aspect-Press. (In Russian).
- Belkovets, L. P. (1995). “The Great Terror” and the Fate of the German Village in Siberia: The End of the 1920s to the 1930s. International Union of German Culture. (In Russian).
- Chikalova, I. R. (2018). Concepts “frontier” – “border” – “borderland” in the research arsenal of humanities scholars. In *Metadalogija dasledvannja gistoryi Belarusi: Preamblemy, dasjagnenni, perspektivy* (pp. 171–180). Belaruskaja navuka. (In Russian).

- Goryushkin, L. M. (1967). *The Siberian peasantry at the turn of two centuries (late 19th – early 20th)*. Nauka, Siberian Branch. (In Russian).
- Goryushkin, L. M. (1976). *Agrarian relations in Siberia during the period of imperialism (1900-1917)*. Nauka, Siberian Branch. (In Russian).
- Ilyinykh, V. A., Mamsik, T. S. & Nozdrin, G. A. (2009). Agriculture. In *The Historical Encyclopedia of Siberia: Vol. III* (pp. 47–49). Historical Heritage. (In Russian).
- Ilyinykh, V. A., & Nozdrin, G. A. (1995). *Essays on the History of the Siberian Village*. Ekor. (In Russian).
- Khromykh, A. S. (2012). *The Siberian Frontier. The Meeting of Civilizations from the Urals to the Yenisei (last third of the 16th century to the first quarter of the 17th century)*. Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafyev. (In Russian).
- Khudyakov, V. N. (1986). *Czarist Agrarian Policy in Siberia in the Post-Reform Period*. Tomsk University Press. (In Russian).
- Kurilov, V. N. (2002). *Russian Subethnos in Western Siberia in the Mid-19th Century: Settlement and Toponymy* [PhD thesis]. Novosibirsk. (In Russian).
- Mamsik, T. S. (2009). Peasantry in the 17th – first half of the 19th century. In *The Historical Encyclopedia of Siberia: Volume II*. (cc. 202–205). Historical Heritage. (In Russian).
- Mamsik, T. S., & Nozdrin, G. A. (2009). Colonization of Agrarian Siberia in the Seventeenth and Early Twentieth Centuries. In *The Historical Encyclopedia of Siberia: Vol. II* (pp. 105–106). Historical Heritage. (In Russian).
- Mamsik, T. S., Nozdrin, G. A., & Ilynykh, V. A. (2009a). Land tenure. In *The Historical Encyclopedia of Siberia: Vol. I* (pp. 590–591). Historical Heritage. (In Russian).
- Mamsik, T. S., Nozdrin, G. A., & Ilynykh, V. A. (2009b). Farming systems. In *The Historical Encyclopedia of Siberia: Vol. I* (pp. 592–593). Historical Heritage. (In Russian).
- Misis, Y. A. (2018). Central Black Earth as a frontier phenomenon in the 16th – early 18th century (socio-psychological component). In *Mavrodin Readings 2018. Materials of the All-Russian Scientific Conf. dedicated to the 110th anniversary of the birth of Professor Vladimir Vasilievich Mavrodin* (pp. 418–421). Nestor-Istoriya. (In Russian).
- Misis, Y. A., Skobelkin, O. V., & Papkov, A. I. (2015). The Frontier Theory and the South of Russia in the 16th and the First Half of the 18th Century. *Vestnik of Tambov University. Series: Humanities*, 10, 7–15. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15> (In Russian).
- Nozdrin, G. A. (2009). The Peasantry in the Second Half of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century. In *The Historical Encyclopedia of Siberia: Vol. II* (pp. 205–206). Historical Heritage. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2009a). The campaigns of the Moscow Voivodes in the Northern Trans-Urals in the 15th-16th centuries. In *The Historical Encyclopedia of Siberia: Vol. II* (pp. 664–666). Historical Heritage. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2009b). The Novgorodian Expeditions to the Northern Trans-Ural Region in the 12th-15th centuries. In *The Historical Encyclopedia of Siberia: Vol. II* (p. 666). Historical Heritage. (In Russian).
- Projects for the Transformation of Siberia's Agrarian System in the Twentieth Century: The Choice of Ways and Methods of Modernization*. (2015). Sibprint. (In Russian).

- Rezun, D. Y. & Shilovsky, M. V. (2005). *Siberia late 16th early 20th century frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes*. SOVA. (In Russian).
- Rezun, D. Y., Lamin, V. A., Mamsik, T. S. & Shilovsky, M. V. (2001). *The Frontier in the History of Siberia and North America in the 17th-20th Centuries: Common and Specific*. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Rezun, D.Y. (2000). To be an ostrog and sloboda here. *Rodina*, 5, 76–78. (In Russian).
- Romanova, A. P., & Yakushenkov, S. N. (2012). Frontier Theory: A New Approach to Understanding the Socio-Political and Economic Situation in Southern Russia. *Innovation and Expertise: Scientific Works*, 2, 74–80. (In Russian).
- Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., Khlyshcheva, E. V., Vasiliev, D. V., Yakushenkova, Ok. S., Yakushenkova, Ol. S., Kusmidinova, M. Kh., & Topchiev, M. S. (2014). *The Lower Volga Frontier: Cultural Memory and Cultural Heritage: Textbook*. Sorokin Roman Vasil'evich. (In Russian).
- Rynkov, V. M. & Ilinykh, V. A. (2013). *A Decade of Turmoil: Siberian Agriculture in 1914-1924*. Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- The Peasantry of Siberia in the Age of Capitalism*. (1983). Nauka, Siberian Branch. (In Russian).
- The results of the resettlement movement from 1896 to 1909*. (1910). The Resettlement Department Publishers. (In Russian).
- The results of the resettlement movement from 1910 to 1914*. (1916). The Resettlement Department Publishers. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2010). The American Frontier and Russian Counterparts in the Volga Region and the Lower Volga Region. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. (1, 109–115. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. & Yakushenkova, O. S. (2013). Resource abundance as a feature of frontier territories. *Man. Community. Management*, 2, 4–15. (In Russian).
- Yakushenkova, O. S. & Yakushenkov, S. N. (2015). The Transformation of the Alien Image in a Post-Frontier Cultural Paradigm. *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. Section "History"*, 114, 326–337. (In Russian).